

Анна Шнайдер

Помощница и её писатель

«Литнет»

2024

Шнайдер А.

Помощница и её писатель / А. Шнайдер — «Литнет», 2024

Нина Маркова - редактор и мать-одиночка. Перед Новым годом она неожиданно осталась без работы по вине сына генерального директора, ещё и с «волчьим билетом». Устроиться помощницей к известному писателю Олегу Бестужеву - хороший вариант, тем более если в любое другое место Нину не возьмут. Но есть нюанс...Внимание: главные герои выращивают в своих головах жирных мадагаскарских тараканов)))) я предупредила! Ругать героев можно, ругаться с другими читателями или автором - нельзя, за это буду строго карать)))

© Шнайдер А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
1	7
2	9
3	11
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	26
11	27
12	29
13	30
14	32
15	34
16	36
17	37
18	38
19	40
20	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

— Не дури, Нина! — почти орала в трубку моя бывшая коллега и однокурсница Оля Артемьева. — Это отличное предложение, отличное! А с учётом твоих обстоятельств — даже, я бы сказала, шикарное!

Я скривилась и с тоской посмотрела в окно, где стояла типичная предновогодняя погода — то бишь слякоть, грязь и противный дождик с неба. Красота! И мокрая ёлка, которую пару дней назад водрузили местные активисты, посреди двора. Она вообще смотрелась форменным издевательством, потому что стояла посреди лужи.

Оля права, конечно. Мне в моих «обстоятельствах» даже сомневаться не стоит — бери, как говорится, что дают, а то и без штанов недолго остаться. А мне нельзя без штанов, у меня ребёнок! И папа. Не ребёнка — мой. Пенсионер, единственный доход которого — пенсия, от размеров которой можно и заплакать. Но плакать не мой метод.

— Думаешь, я не помню, кто такой Олег Бестужев? — съязвила я, потерев пальцами переносицу. Голова разламывалась. То ли из-за погоды, то ли потому что ситуация и правда патовая. — Он много раз приезжал к нам офис, я видела его со стороны — и мне хватило, чтобы составить впечатление. Из него пафос и самодовольство так и прёт. Думаешь, мы сработаемся?

— Нин, ты и с чёртом сработаешься, если захочешь, — фыркнула Оля. — Ты отличный специалист, это все знают.

— Все, да не все. Бестужев точно не в курсе.

— Теперь в курсе! — торжествующе заявила подруга. — Я ему всё про тебя рассказала. Он тебя ждёт на собеседование! Завтра к девяти утра.

— Ко скольким?! — застонала я. — Да ты шутишь? Писатели же обязаны быть совами!

— Ничего не знаю, Бестужев утверждает, что он жаворонок.

Как по мне, этот мужик был больше похож на павлина, но я решила не уточнять. Понимала, что Оля старалась, пытаюсь мне помочь.

Неделю назад меня вынудили написать заявление «по собственному желанию» и уйти из издательства, где я проработала почти десять лет — собственно, с момента окончания института. Выросла из младшего редактора в ведущего, получала хорошую зарплату, была всем довольна и никуда не стремилась уходить, но... на свою беду, однажды привлекла внимание сына генерального директора. Сопротивлялась, не хотела, отказывалась... но он был настойчив, и в конце концов я сдалась. Даже немного влюбилась в эту обаятельную сволочь.

Чем в итоге всё закончилось, ясно и так — раз я теперь не могу найти работу, получив «волчий билет» вместе с трудовой книжкой. В этом городе меня никто не возьмёт, и плевать на внушительный стаж и опыт — просто не захотят ссориться с важными и нужными людьми. Переезжать — плохой вариант, дочь только в сентябре в первый класс пошла, да и куда мы поедem? Здесь наш дом — квартира, друзья, родственники. Поэтому вариант с переездом я оставила на крайний случай, решив для начала попытаться устроиться в редакцию какого-нибудь периодического издания. Я раньше занималась только книгами, ну и что? Главное, чтобы туда не могли дотянуться вездесущие руки моего бывшего рабовладельца. Тьфу, то есть работодателя.

Но пока мне не везло — везде перед Новым годом было глухо как в танке. И не поймёшь: то ли их и там предупредили, то ли просто вакансий нет.

И тут позвонила Оля. С «шикарным» предложением: стать помощницей писателя Олега Бестужева. В поиске подходящей кандидатуры он сам приехал в редакцию и попросил помочь ему найти человека с образованием и мозгами.

И, как выяснилось, про меня ему изначально рассказала даже не Оля, а мой непосредственный руководитель, которого до сих пор «бомбило» из-за того, что пришлось уволить цен-

ного сотрудника из-за капризов сына гендиректора. А уж потом Бестужев подошёл к Оле — ему на неё указали как на «лучшую подругу той самой Нины».

А «та самая Нина» после ситуации с увольнением вообще ни за что больше не собиралась связываться с мужиками. Никогда! Бывший муж, потом, спустя много лет, вот этот роман с сыном гендиректора — всё, на мой век хватит. Теперь мужчине я не поверю. Один разрушил мою личную жизнь, другой — карьеру, третьему осталось поломать здоровье — больше у меня ничего нет в любом случае. Фигушки! Не дамся.

— Слушай, Оль...

— Ни-на, — по слогам произнесла подруга, уже почти рыча, — хватит ломаться. Да, Бестужев с амбициями, апломбом и короной на голове. Да, он не самый приятный человек в общении. И да, я понимаю, что после случившегося тебя от мужиков воротит. Но у тебя Маша! Подумай о ней. Ты ей подарок на Новый год вообще купила?!

Вот это был запрещённый приём.

— Ладно, — сдалась я. — Давай адрес. Куда там завтра к девяти ехать?

— Правильное решение, — похвалила меня Оля со вздохом облегчения и принялась диктовать адрес Бестужева.

Съезжу к нему, так уж и быть, послушаю, что скажет. Может, я ему вообще не подойду? Он красавец хоть куда, вдруг ему фотомодель нужна в помощницы?

Хотя... тогда вряд ли он приехал бы искать её в издательство.

1

Нина

Чуть позже, когда папа вернулся из школы вместе со счастливой Машей и мы сели обедать, я рассказала им о том, куда собираюсь ехать завтра. Ни дочь, ни отец не знали, в какой заднице мы оказались стараниями моего бывшего ухажёра, — ни к чему им: Маша ещё мала, а папа только распереживается почём зря. Он до сих пор считает меня цветочком. Хотя я уже давно если и цветочек, то только кактус.

В общем, родным я сказала, что меня уволили по сокращению штата — кризис в мире, новогоднюю премию платить денег нет, вот и погнали метлой пару-тройку сотрудников. Папа расстроился и теперь изо всех сил ждал, когда я устроюсь на другую работу.

— Ух ты! — восхитилась Маша, как только я поведала о том, что завтра с утра отправлюсь на собеседование к Бестужеву. — Настоящий писатель?! А что он пишет?

Я страдальчески вздохнула. Всё, в глазах дочери загорелся огонь любопытства — теперь она с меня живой не слезет, пока я ей хотя бы пару книжек Бестужева не перескажу.

— Да разное, Мась. В основном детективы. Но такие... с особенностями. Не совсем про наш мир. То есть мир как бы наш, но в нём существует то, чего на самом деле нет.

— Дед Мороз, что ли? — уточнила дочь, и папа поперхнулся картофельным пюре. — Не, ну а что? Люда считает, что Дед Мороз — это сказка. А сказка — это выдумка.

— Видишь ли, Мась... — тут же начал папа, и я улыбнулась: родитель сел на своего любимого коня, и теперь дочке будет не до Бестужева. Когда-то папа работал в школе учителем русского языка и литературы и о сказках был способен разговаривать часами. А я в это время смогу нормально пообедать, а не пересказывать урезанное содержание романов Бестужева.

Писал он, по правде говоря, офигенно. Я даже завидовала. Я сама много раз пыталась написать хоть что-нибудь, но... не тянула. Начинала я бодро, но начать — это, уж извиняюсь за каламбур, только начало, ещё как-то надо и продолжить, и закончить! И мне не хватало чего-то, чтобы придумать дальнейшие события и раскрутить их так, дабы было интересно. Ближе к середине повествования я понимала, что становится скучно даже мне — значит, дело труба. И бросала.

У Бестужева же всё получалось прекрасно. Он отлично владел русским литературным языком, умел писать не только образно и красиво, но ещё и доступно для читателя — всё же писал он развлекательную литературу. Мистические детективы, хоррор, фэнтези... Я читала каждый роман Бестужева. И когда он пришёл к нам в издательство — его пару лет назад увёл у конкурентов наш главный редактор, — я, как и многие, специально прогуливалась по коридору, чтобы хоть краем глаза увидеть Бестужева. И... разочаровалась.

Он и на фотографиях, конечно, производил впечатление человека с короной на голове. Но в жизни это впечатление лишь усиливалось. Высокий, с совершенно прямой спиной и невозмутимым взглядом, он шёл мимо не смотря на окружающих. Даже если с ним кто-то здоровался, Бестужев толком и не кивал — просто двигался к своей цели, и всё. Вольно-невольно, но любой человек у него на пути начинал ощущать себя не человеком, а мухой, если не сказать — грязью под ногами.

С читателями Бестужев никогда не встречался, никаких пресс-конференций тоже не проводил. Несмотря на то, что поклонников у него была уйма, по его книгам даже сняли пару сериалов и несколько фильмов. Бестужев только группы в соцсетях вёл, но такие, типично писательские — о литературе, фильмах, выставках и прочих культурных впечатлениях. Ничего личного там не было. Никто не знал даже, женат Бестужев или нет. Говорили, что нет, но я не особенно верила — мужику под сорок, красивый, успешный, пусть и со скверным характером

— и не женат? Хотя бы один раз должен был жениться. В разводе, наверное. Как раз из-за скверного характера, не иначе.

Не представляю, зачем ему помощница. Что она должна будет делать? Ещё и с соответствующим образованием... Может, тексты вычитывать?

Вот, кстати, хорошо бы. Это я могу.

2

Нина

Утром следующего дня я, накормив папу и Машу завтраком, оставила их собираться в школу, а сама побежала на собеседование к Бестужеву. Волновалась отчего-то ужасно, не помню даже, когда в последний раз меня так трясло — на вступительных экзаменах, может? Хотя, в принципе, объяснимо. И вовсе это не из-за красивого мужика — что я красивых мужиков не видела? А потому что мне эта работа нужна в прямом смысле до зарезу. Не устраюсь к Бестужеву — придётся сменить специальность, чего совсем не хотелось бы делать. Образование, опыт, стаж — и всё в топку, в угоду одному гаду? Нет, мы ещё повоюем.

Одежду я подбирала особенно тщательно, чтобы выглядеть и красиво, и по-деловому, а не как беднота, которой лишь бы работу получить. Никаких джинсов и свитеров — дорогой шерстяной костюм, состоящий из юбки и пиджака тёмно-синего цвета, под пиджак — светло-бежевую блузку, в уши — скромные серьги, на лицо — неяркий стойкий макияж. Только глаза, губы я никогда не красила — они у меня и без помады как две лепёшки, а если их ещё и накрасить, я совсем стану похожа на шлюху.

Внешность у меня всегда была специфическая, и в детстве я из-за неё страшно комплексовала, но потом перестала — после рождения Маши было уже не до комплексов. Но лишний вес, которого во мне всегда было с избытком, так и не ушёл. Пятидесятый размер — увы, мой минимум. И грудь четвёртого. Глаза светло-карие, кожа белая, как молоко, и копна тёмно-каштановых волос, кудрявых, как у негритянки, до середины спины. Одень меня в цветастую юбку и накинь на плечи шаль — и можно запускать на рынок с причитаниями: «Кому погладить, судьбу рассказать, всю правду поведать!» А если ещё и зубы позолотить, то вообще от цыганки не отличишь.

Кстати, хорошая идея. Не возьмёт меня Бестужев помощницей — пойду на рынок гадалкой работать.

В общем, да — внешность у меня не для «высшего общества». Бывший муж говорил: «Как у базарной бабы». Ну увы, внешность не выбирают, с ней «живут и умирают». Вот я и живу — и с лишним весом, который не уходит даже от тотальных голодовок, и с большой грудью, и с до безобразия кудрявыми волосами, что выбиваются из любой причёски. Особенно если на эту самую причёску сверху шапку надеть. Поэтому я и не стала заморачиваться: сделала простой хвост на затылке и, внимательно посмотрев на себя в зеркало — точно я оба глаза накрасила, а не один? — побежала на собеседование к товарищу писателю.

— Удачи, мама! — Маша на прощание крепко меня обняла.

— Да, Нин, ни пуха, — от души пожелал папа, кивнув.

— К чёрту, — привычно откликнулась я.

С местом проживания Бестужева мне повезло — от нашего дома туда шёл автобус. Всего каких-то полчаса — и я на месте. Центр города, элитная новостройка за забором и шлагбаумом, с большой детской площадкой и даже местом для выгула собак. Наверняка и подземный гараж есть, куда Бестужев ставит свою до крайности крутую тачку. Почему-то мне казалось, что это должен быть внедорожник — такой большой и толстый, то есть большой и чёрный. Или синий. Ну, в крайнем случае тёмно-серый. И точно не красный!

Да-а-а, Нина, ты нервничаешь. Что за глупости в голову лезут? Без разницы, какая у Бестужева машина. И кстати! Он ведь на самом деле не Бестужев, а Рюмин. Бестужев — псевдоним. Я ещё и поэтому клюнула на его книги — мне казалось, что, если человек с фамилией Рюмин взял себе псевдоним «Бестужев», у него должно быть классное чувство юмора. При-

мерно как у меня, да. Но увы — судя по отрешённому и гордому виду этого мужчины, чувство юмора там даже не ночевало.

Всё, Нина, прекрати! Главное, чтобы он тебя взял и платил тебе зарплату. А остальное ты как-нибудь переживёшь.

3

Нина

Бестужев-Рюмин жил на десятом этаже. Если учесть, какие высокие потолки в этой новостройке по сравнению с нашим панельным домом, я, считай, забралась на этаж пятнадцатый. Никогда не жила на такой верхотуре — неуютно как-то. С детства боюсь высоты.

В подъезде было так чисто, что я чуть не прослезилась. И красиво всё, выложено плиткой, а не покрашено, как у нас, в цвет унылого болота. Здесь плитка была нежно-бежевая, а на полу — тёмно-коричневая. Хорошо хоть не зеркальная, а матовая, иначе мне было бы стыдно ходить по ней своими грязными сапогами.

Я нашла на этаже нужную квартиру, внимательно посмотрела на обычную серую металлическую дверь, помялась с ноги на ногу, потом вспомнила про шапку. Сняла её, вытащила из сумки телефон и посмотрелась в тёмный экран, как в зеркало. Ну... причёска, конечно, у меня сейчас в стиле «я упала с самосвала, тормозила головой», но, чтобы было лучше, нужна расчёска и нормальное зеркало. А так... пригладив пару прядок ладонью, я убрала телефон в сумку, потом достала бумажные платочки и высморкалась, хорошенько прочистив нос. Не хватало ещё на встрече с Бестужевым хлюпать им, как сопливая девчонка. А у меня такое вполне может быть — не столько от волнения, сколько от перепада температуры «улица-дом».

Сложив использованный бумажный платок и убрав его в задний карман сумки, чтобы не выскочил из неё в ненужный момент вместе с телефоном, я прокашлялась и, нацепив на лицо вежливую улыбку, нажала кнопку звонка.

Ну, Нина, с богом.

Бог, то есть Бестужев, открыл секунд через десять — словно ждал меня. Я даже забеспокоилась, а не стоял ли он за дверью всё это время и не смотрел ли на меня через глазок, уххатываясь над тем, как я неуверенно мнусь и сморкаюсь? Хотя нет, вряд ли. При взгляде на невозмутимое лицо Бестужева не верилось, что он в принципе умеет улыбаться.

Кстати, да. Я не видела ни одной фотографии Бестужева, где он был бы с улыбкой на лице. Нет, всегда серьёзный такой. Царевич Несмеян...

Отличный псевдоним, между прочим. Олег Несмеян! Если ему вдруг понадобится второй, надо будет предложить.

Я, чтобы глупо не хихикнуть, поспешила выпалить, стараясь не слишком сильно тараторчить на открывшего мне дверь мужчину:

— Доброе утро! Я Нина Маркова. Вам...

— Да, я вас жду, — кивнул Бестужев и сделал шаг назад, освобождая мне дорогу, чтобы я могла войти. Но не отошёл от двери достаточно для того, чтобы я, протиснувшись в проём со своей пышной фигурой, слегка не задела его локтем.

— Ох, извините, — тут же забеспокоилась я, подумав, что начало нашего общения уже так себе, — я не специально.

— Понимаю, — откликнулся Бестужев с тем же непроницаемым выражением лица. — Снимайте вашу одежду.

Хотелось пошутить, поинтересовавшись: «Всю одежду снимать или что-то оставить?» — но я прикусила язык. Вряд ли этот мужчина понимает такие шутки.

Выглядел Бестужев, кстати, прекрасно. До этого я всё время видела его в деловых костюмах — они ему до ужаса шли, — но сейчас Бестужев стоял передо мной в обычном сером свитере, похожем на льняной, и светло-голубых джинсах, и этот образ шёл ему ещё больше, придавая какой-то элегантной небрежности и уюта. И волосы... они были слегка растрёпаны, словно он недавно запускал в них ладонь, о чём-то задумываясь в процессе написания книги.

Надо же — автор-жаворонок...

Я сняла и передала Бестужеву куртку, потом шапку. Стащила с ног сапоги и надела тапочки — резиновые, белого цвета, — которые он предусмотрительно откуда-то достал перед моим приходом. А потом последовала за Бестужевым... на кухню.

Да-да, не в кабинет, гостиную или на крайний случай (очень крайний) спальню, а на кухню! От удивления я даже в сумку вцепилась, будто у меня пытались её отнять, не понимая, а что, собственно, происходит? Может, он завтракает ещё?

Но нет, на столе было девственно чисто. Только в воздухе витал приятный аромат хорошего кофе.

— Садитесь, Нина, — Бестужев махнул рукой на угловой диван, перед которым и стоял кухонный стол. С другой стороны располагались табуретки — сам писатель сел на одну из них. — У меня к вам несколько вопросов.

Я понимающе кивнула, непроизвольно рассматривая идеальный орлиный нос Бестужева. Тонкие губы, щёки с лёгкой небритостью, смуглая кожа, широкие брови и светло-зелёные глаза — красавчик. Я вдруг поняла, что этот мужчина напоминает мне Эдриена Броуди — такой же тип лица. Вроде бы и не скажешь, что классическая красота, но в ней безумно много обаяния и харизматичности. Только вот Броуди — человек улыбчивый, а Бестужев... м-да.

— Конечно, я отвечу на все ваши вопросы, Олег... м-м-м...

— Можно просто по имени, — откликнулся он, выбив у меня из лёгких весь воздух. — Вопрос первый... Насколько быстро вы печатаете?

— Вслепую, — ответила я, кашлянув. — Сколько знаков, не знаю, но быстро.

— Очень хорошо. Вон там, — Бестужев показал за свою спину, — есть кофемашина. Посмотрите на неё. Сможете мне делать на ней кофе?

Моё удивление усилилось.

— Конечно. — Я не выдержала и поинтересовалась: — А что, она какая-то очень сложная?

— Я до вас пробовал двух девушек, они не справлялись, — ответил Бестужев так же серьёзно, без улыбки. Хотя ситуация, на мой взгляд, была комичная. — Видите ли, я люблю кофе в зёрнах, который нужно молоть прямо перед тем, как делать напиток. Кофемолка у меня отдельно. Вон она, рядом стоит. И весы кухонные. Сначала надо отмерить на весах ровно четырнадцать граммов зёрен, потом смолоть их, сварить кофе, взбить молоко...

— Нарисовать взбитым молоком сердечко... — не выдержала и пошутила я и несколько не удивилась, когда Бестужев серьёзно произнёс:

— Можно без сердечек. Просто кофе. Я пью такой раз в день, как раз перед тем, как сажусь работать. Мне казалось, ничего сложного, но ваши предшественницы не справлялись. Вы справитесь?

— Надеюсь.

— Хорошо, — он величественно кивнул. — Третий вопрос... Я работаю шесть дней в неделю, с девяти до двух, отдыхаю только по воскресеньям. Вас устраивает?

— Я буду нужна вам с девяти до двух? — уточнила я, не веря своему счастью.

— Да, — подтвердил Бестужев, но тут же признался: — Но это не точно. Видите ли, творчество — процесс непредсказуемый. Поэтому... Иногда я заканчиваю раньше, иногда — чуть позже. Сразу после этого я сажусь обедать, а вы можете уходить.

Шикарные условия. И мне полчаса до дома! Теперь я буду чаще видеть Машу!

— Меня устраивает, — выдохнула я, скрестив под столом пальцы. — Более чем.

— Замечательно. Как у вас с английским?

— Как у всех — читаю и перевожу со словарём, — пошутила я и даже застыла, когда этот манекен улыбнулся уголками губ. Ого! — В общем и целом у меня средний уровень. Могу перевести что-то простое, деловое письмо сочинить, по телефону ответить.

— Вполне достаточно. Английский бывает нужен, но редко — я на всякий случай спросил. У вас дети есть?

От резкой смены темы я даже слегка вздрогнула.

— М-м-м... Да, есть. Девочка, семь лет.

— Я почему спрашиваю, — Бестужев вздохнул, поднял руку и взъерошил волосы. Вот откуда этот беспорядок на голове! — Девушек с детьми детсадовского возраста я не беру — болеют часто, а мне без помощницы тяжело. Постарайтесь, пожалуйста, пореже брать больничные.

— Не переживайте, я вообще не помню, когда последний раз брала больничный, — ответила я честно. — У меня хорошее здоровье, да и Маша редко болеет. Тьфу-тьфу, конечно... Но вот с начала учебного года ни разу не было пока.

— Очень хорошо, — глаза у Бестужева радостно заблестели. — Значит, вы мне подходите. Если хотите, к работе можем приступить сегодня же.

— Сегодня?.. — я опешила.

— Ну да, — он пожал плечами. — Давайте я объясню, что нужно делать, заодно покажу, как пользоваться кофемашиной. Вы будете кофе?

— Буду, — ответила я, глядя на него с открытым ртом. Это что же, Бестужев мне сейчас станет кофе варить?! САМ?!

Я сплю и попала в рай, наверное. Хотя... нет, стоп!

— Подождите! — воскликнула я, и мужчина, уже приподнявшись с табуретки, сел обратно и вопросительно посмотрел на меня. — А-а-а... зарплата у меня какая будет?

— Да, — он вновь взъерошил волосы, назвал сумму — и от счастья я едва не заплакала. Больше моей зарплаты в редакции! Да он шутит! — Но есть нюанс.

— Какой? — я насторожилась.

— Это всё будет неофициально. Никаких записей в трудовой книжке, никаких договоров. Просто два раза в месяц деньги на карточку, и всё.

Тьфу! А я уж думала!

— Меня устраивает!

4

Нина

То, что Бестужев — сложный человек, я поняла давно, но, насколько он сложный, по-настоящему — только сейчас.

Сразу после того, как я сказала, что меня всё устраивает, Бестужев, налив кофе и мне, и себе, пошёл вглубь квартиры — показывать моё рабочее место. И привёл меня в шикарный кабинет, где всё вокруг было деревянным — шкафы, мебель, пол и даже потолок. Как будто мы с ним очутились внутри музыкальной шкатулки. А ещё здесь оказалось столько книг, что я в буквальном смысле открыла от изумления рот, — все шкафы были забиты ими под завязку. Старые и новые, спрятанные за тонким стеклом, они манили меня и притягивали взгляд настолько, что я даже не сразу заметила всё остальное.

Остальным были два стола в разных концах кабинета: один — побольше и возле окна, другой — поменьше и ближе к двери. Тот, что поменьше, стоял так, что было видно экран монитора, а вот второй — наоборот. И оба были завалены бумагами.

— Будьте осторожнее с кофе, — предупредил Бестужев, показывая на стол поменьше. — Не залейте ничего. Вот ваше рабочее место. Садитесь, сейчас буду всё показывать.

Я послушно опустилась в компьютерное кресло и с трудом удержалась от того, чтобы не начать кататься в нём по полу. Всегда любила это развлечение, особенно когда нервничала.

— Первое, — произнёс Бестужев, склоняясь надо мной так, что я сразу вжалась в спинку, пытаюсь стать как можно незаметнее. Но с моими объёмами, особенно в области груди, это проблематично. Однако мужчина смотрел сейчас не на неё, а куда-то на стол. Вытащил из-под кипы бумаг мобильный телефон — обычный смартфон — и продолжил: — Вот телефон. Вы отвечаете на все звонки, но, если он завибрирует — звук на нём отключён, — выходите в коридор, разговорами меня беспокоить не нужно. Отвечать на все звонки без исключения. Если это спам, кладёте трубку и добавляете номер в чёрный список. Если звонит моя мама, терпеливо выслушиваете её, поддакиваете и просите перезвонить вечером. Если звонят из издательства, записываете информацию и говорите, что я ознакомлюсь с ней, а потом наберу им сам. Самое главное: вы ни в коем случае не беспокоите меня. Никаких вопросов! Всё понятно?

— Не совсем. — Я нахмурилась, глядя на серьёзного Бестужева, который стоял, возвышаясь надо мной, и держал в руке мобильный телефон. — Если, например, у вашей мамы или у сотрудника редакции будет срочный вопрос?..

— Все срочные вопросы могут подождать до обеда, — покачал головой мужчина. — Так и говорите собеседникам. Да, и ещё... Поскольку это мой телефон, на него могут совершать и другие, более личные, звонки. На них тоже отвечаете, всем говорите, что я перезвоню при необходимости.

У меня глаза на лоб полезли.

Честно говоря, я думала, что Бестужев предлагает мне замену стационарного телефона. А это... его личная труба? Он шутит, что ли, так? Я бы в жизни не доверила свой телефон незнакомой женщине! Мало ли, что она может сделать? Фотографии из галереи поудаляет нужные, имена в телефонной книге перепутает, переписку в мессенджере читать будет. И это я ещё молчу про банковские приложения!

— Не смотрите на меня так, — на лице Бестужева возникло подобие улыбки. Всё-таки он умеет улыбаться, пусть и скованно. — Да, я вполне могу доверить вам свой телефон. Там ничего такого нет. На всём, куда нельзя заходить, стоят пароли.

— На галерею тоже?

— Вы имеете в виду фотографии? — уточнил мужчина, и я кивнула. И тут он меня огорошил: — Их там нет.

— Шутите?

— Серьёзно. Сам я не фотографирую ничего, как-то не люблю это дело. А чужие фотографии, которые мне присылают, сразу скидываю в «облако» и удаляю из памяти телефона. Да, в общем, даже если вы туда залезете, ничего криминального не увидите. Так что... — Он положил телефон обратно на стол. — С этим, я надеюсь, всё понятно. Теперь дальше. Перед вами, — Бестужев махнул рукой на грудку бумажных листов, что лежали рядом с клавиатурой, — моя правка романа, который я сейчас пишу. У меня такая привычка: я пишу на компьютере, потом распечатываю, перечитываю, вношу правку, а файл правит уже моя помощница. Не хочу тратить время на подобные мелочи. Файл лежит на почте, сейчас я вам её покажу...

В общем, минут пятнадцать Бестужев бесстрастно объяснял, что мне предстоит делать. Ничего сложного: обычная секретарская работа, пусть и специфическая. Кроме внесения правки нужно было вести группы в социальных сетях, в том числе отвечать на комментарии, выкладывать на литературные порталы продолжения книг, проверять почту и пересылать важные письма Бестужеву, а остальные — стирать. Короче говоря, возможностей для диверсий была масса. И то ли он доверчив, то ли просто не понимает, зачем кому-то делать ему гадости.

В целом всё было понятно: работы завались. И главный прикол состоял в том, что, пока Бестужев пишет, я не могла шуметь. Ему, как выяснилось, нужна полнейшая тишина. Следовательно, мне следовало потише печатать, не шуршать бумажками и желательнее не дышать. Чихание вообще каралось смертной казнью!

Шучу, разумеется. Просто Бестужев меня предупредил, что никаких резких звуков быть не должно — с девяти до двух следует сидеть тихо, как мышка, и работать.

Вроде бы не самая сложная задача, да? Однако в первый же день я чуть с ума не сошла.

5

Нина

Вы когда-нибудь пробовали не издавать звуков в течение пяти часов? Я раньше об этом не задумывалась. Но, как выяснилось, если не следить за тем, чтобы быть потише, человек — довольно громкое существо.

Он громко сморкается. Совсем не бесшумно ёрзает в кресле. Даже банально глотает — и то со звуком, который в полной тишине кабинета кажется оглушительным. А уж как громкоподобно у людей порой урчит в животе, просто ужас! И это я ещё молчу о том, как звонко и сочно стучат клавиши клавиатуры! Просто молотком по мозгам.

Не всегда, но очень часто, если я издавала какие-то звуки, одновременно с этим появлялось отчётливое ощущение тяжёлого недовольного взгляда на моей спине. Бестужев смотрел, но ничего не говорил. Наверное, потому что слишком громких звуков я не издавала. Да и не делала то, что нельзя было делать. Ну невозможно же запретить человеку в течение нескольких часов совсем не менять позы! А это кресло... кто виноват, что оно скрипит?!

— Посмотрю сегодня вечером, — пробормотал Бестужев часа через два, когда я шевельнулась в кресле, и следом оно издало тихий, но душераздирающий звук. — Может, подтянуть надо что-то или смазать. Предыдущая помощница была не вашей комплекции. Наверное, поэтому кресло не скрипело.

Вроде бы Бестужев ничего обидного не сказал — но мне отчего-то стало обидно.

Вот и искал бы себе помощницу другой комплекции! Чтобы под ней кресла не скрипели. И чтобы ей не хотелось выпить чаю после кофе, а если уж захотелось, чтобы она не боялась слишком громко глотать. И уж тем более чтобы у неё в животе не урчало!

Но это всё ерунда по сравнению с тем, что случилось около часа дня, когда я поняла, что куча бумаг на моём столе уменьшилась примерно наполовину. Судя по всему, помощницы у Бестужева не было давно — раз скопилось столько правки.

Я решила дать себе две минуты передохнуть, осторожно откинулась на спинку кресла, кинув на мужчину косой взгляд — но Бестужев увлечённо печатал, нахмурившись, и на лёгкий скрип сиденья не обратил внимания.

Неожиданно телефон впервые за последние пару часов завибрировал. Я испуганно схватила его в руки, опасаясь, что вибрация помешает автору, и непроизвольно ткнула пальцем в окно, всплывшее на экране блокировки.

Я оказалась в «Телеграме». Точнее, в переписке с какой-то пергидрольной блондинкой, что лупила на меня с аватарки круглые голубые глаза.

«Олежек, — писала она, — я понимаю, ты злишься! Но, пожалуйста, дай мне ещё один шанс! Ты же до сих пор не нашёл себе помощницу, правда? Я не верю, что нашёл — с твоими-то аппетитами!»

Э-э-эм, в каком смысле — аппетитами?! Это метафора такая, надеюсь? Бестужев мне про свои «аппетиты» ничего не говорил!

Но дальше было лучше:

«Прости! Да, я виновата, не надо было давать подружке файл почитать! Но ведь роман ещё не закончен, подумаешь — начало попало в интернет! Наоборот, теперь народ ждёт продолжение ещё больше, и когда ты официально начнёшь его выкладывать... В общем, популярность тебе обеспечена! Но, конечно, я сделала выводы, очень жалею и больше так не буду делать. Пожалуйста, прости!»

Я читала всю эту исповедь с открытым ртом.

Что ж, зато теперь понятно, почему Бестужев ищет помощницу. Непонятно другое — отчего он до сих пор столь же доверчив? Хоть бы договор со мной какой-нибудь подписал. О неразглашении.

Дальше было ещё интереснее:

«Ну хочешь, накажи меня? Только не молчи! Я же вижу, что ты онлайн и читаешь мои сообщения...»

Твою дивизию! Надо немедленно закрыть эту грёбаную переписку! А потом повиниться перед Бестужевым, сказать, что это получилось случайно. Не хотела я! Она сама написала! Как её, кстати, зовут...

Ох ты ж... Лучше бы я не смотрела...

«Пусечка»?!

Я подняла голову и поглядела на Бестужева с изумлением. Он же говорил, что это его телефон? Что же получается — вот этот человек-замороженная рыба забил в память мобильного свою помощницу как Пусечку?

У него раздвоение личности, что ли?

Я вновь посмотрела на экран — и совсем обалдела.

«Олежек, ну извини-и-и. Я на всё готова, чтобы искупить свою вину. Хочешь, всего тебя вылижу? Везде-везде! А хочешь, попробуем тот двусторонний вибратор, мmmm?..»

А-а-а-а!!!

Как это развидеть?!

Я похлопала себя по щекам — и мысленно чертыхнулась, поняв, что нарушила запрет на резкие звуки. Да, и, разумеется, этим движением я невольно привлекла внимание любителя вибраторов, то есть Бестужева.

6

Нина

— Что-то случилось? — спросил мужчина, глядя на меня с недовольством. — Вы что это себя хлопаете?

Нет, спасибо, признаваться я не буду. Ещё не хватает нарываться на разговор о его предпочтениях в сексе. В первый же рабочий день! Фигушки.

Я аккуратно вышла из «Телеграма» — если что, буду всё напрочь отрицать! — и, кашлянув, проговорила:

— Ничего страшного, просто жарко стало.

— А-а-а, — Бестужев тут же потерял ко мне интерес, — можете приоткрыть окно. Но не сильно, а то мне будет дуть в спину. Потерпите ещё немного, я скоро закончу.

Закончит он...

Теперь мне было ясно, что Бестужев не брезговал пользоваться своими помощницами. Интересно, будет ли он просить меня о подобных «услугах»? Или я не в его вкусе?

Вот же птичка «обломинго»! Только мне показалось, что я нашла нормальную работу и... ну, не то чтобы нормального мужика, все мужики — козлы... но, по крайней мере, морально устойчивого. Однако вряд ли я могу назвать морально устойчивым человека, который спит со своей секретаршей. Не надо смешивать личное и работу! Мухи и котлеты должны быть отдельно.

В общем, если до этого момента я относилась к Бестужеву без особой настороженности, то после того, как прочитала монолог «Пусечки» из «Телеграма», стала напрягаться при общении. Особенно когда он подходил ко мне ближе, чем на два метра.

А это как раз случилось ещё через час. Бестужев, по-видимому, закончил творить, бесшумно встал с кресла — у него-то оно не скрипело! — подошёл ко мне и, склонившись, произнёс где-то возле левого плеча:

— Как вы быстро всё разобрали.

— Ай! — воскликнула я, дёрнувшись от неожиданности, — и, подпрыгнув, ударила мужчину головой по носу. — Ох...

Бестужев схватился за пострадавшую часть тела и, поморщившись, выпрямился. Но не издал при этом ни звука. Интересно, это хорошо или плохо?

— Вы в порядке? — я вскочила следом и попыталась заглянуть под его руку, которую он до сих пор прижимал к носу. — Или, может, вам льда принести?

— Где я вам возьму лёд, — пробурчал Бестужев глухо. — Я его не держу дома.

— Ну как же? — я растерялась. — А виски или шампанское со льдом...

— Я не пью. — Мужчина наконец оторвал ладонь от лица и с опаской на неё посмотрел — будто думал увидеть следы крови. Я тоже смотрела с опаской, но не на ладонь, а на нос. Выглядел он нормально. Ну, покраснел чуть, но это ерунда.

— Отлично! — я вздохнула с облегчением. — Ваша производственная травма признана неопасной. Жить будете!

— Шутница вы, Нина, — Бестужев криво усмехнулся. — Я сразу заметил.

— А вы вот очень серьёзный. — Не знаю, зачем я это сказала. Растерялась, наверное. — Честно говоря, не думала, что человек, который пишет такие отличные книги с юмором — особенно мне ваш чёрный юмор нравится, — может быть настолько серьёзным.

— Авторы обычно сильно отличаются от своих героев, — ответил Бестужев так же невозмутимо. — В этом и состоит часть писательского искусства — создать реальность, которая

будет отличаться от твоей. Характеры, непохожие на твой. Жизненные обстоятельства, которых с автором не случалось. И так далее.

— Но чувство юмора здесь ни при чём, — возразила я. — Вы могли бы писать такие же серьёзные книги. А вы...

— Я же сказал — это часть писательского искусства, — вздохнул Бестужев слегка устало. — Слушайте, Нина... Я почти четыре часа строчил и ужасно хочу есть. Вы можете пообедать со мной. Или идите домой, я вас отпускаю, до завтра вы мне не понадобятся. Что выбираете?

Пообедать с ним?

Ещё сегодня утром я, пожалуй, согласилась бы. Потому что мне хотелось расспросить Бестужева о его творчестве. И в целом о нём самом — интересно было, где он вырос, какие у него отношения с матерью, о которой он сегодня вспоминал.

Но не после «Пусечки». Ахтунг! Никакого сближения. Пусть ищет другую давалку.

— Спасибо большое. Но я, пожалуй, поеду домой. К дочери.

7

Олег

Когда Нина ушла, Бестужев привычно заказал себе обед из ближайшего ресторана восточной кухни, сделал чаю и сел за кухонный стол, ожидая заказ. Просматривал свои группы в соцсетях, быстро читая комментарии, но не столько читателей, сколько администратора, то есть Нины. И был приятно удивлён.

Отчаявшись найти нормальную помощницу, Олег обратился в издательство от безысходности. Идея взять настоящего редактора пахла абсурдом — ну кто из дипломированных специалистов в здравом уме пойдёт, по сути, в рабство к автору? Редактор всё же не секретарь, чтобы целыми днями вносить правку, отвечать на комментарии и звонки, просматривать почту. Это примерно как если отличный хирург устроится операционной медсестрой. Да, важная и нужная работа, но подавать врачу инструменты во время операции может и кто-нибудь другой, без квалификации хирурга.

Олегу повезло. А Нине — наоборот. Ему, разумеется, рассказали ту душераздирающую историю о сыне генерального, который сам начал ухаживать за Ниной, а потом решил жениться по расчёту на дочери одного богатого дельца. И бывшей возлюбленной дал отставку, причём очень подло — с «волчьим билетом». У главного редактора, когда он рассказывал об этом Бестужеву, в буквальном смысле пар из носа шёл от возмущения. Но Олег его понимал: человеку, которому пашни руководства были до лампочки, не хотелось терять хорошего ведущего редактора.

— Возьми её себе, — говорил он Бестужеву, когда тот пожаловался, что с помощницей не складывается, а у самого не хватает времени на всё, — Нина — хороший работник. А учитывая тот факт, что ни в одно издательство, даже самое незначительное, её сейчас не возьмут, стараться будет в двойном размере.

Олег, описывая главному редактору свою проблему, разумеется, промолчал, что личная помощница ему нужна не только для того, чтобы правку вносить. Впрочем, он уже почти смирился, что вряд ли сможет найти адекватную замену Алле. В плане профессионализма — да, вполне, Алла в целом не блистала интеллектом. Но было и ещё кое-что.

Хотя в первые минуты, увидев Нину, Олег думал всё же озвучить ей идеальные для себя условия работы. Тем более что зарплату он предложил более чем достойную, да и деваться женщине некуда... Но промолчал. Олег отлично улавливал человеческие характеры и ясно видел — для Нины Марковой согласиться на предложение, что вертелось у него на языке, пока он смотрел на её полные губы и пышную грудь, неприемлемо. Она лучше уборщицей на вокзал пойдёт. Сначала кулаком в морду даст, конечно, а потом пойдёт.

На самом деле, это похвально и достойно уважения. Но Олегу-то что делать? Ему всегда было сложно заводить отношения, особенно с противоположным полом. Для кого-то это легко и просто — подумаешь, познакомиться с девушкой, предложить ей свидание, а потом привезти в квартиру и использовать по назначению. Использовать-то Олег мог, как и познакомиться и пообщаться о чём-то отвлечённом, но дальше начинались проблемы.

В принципе, Бестужев мог переломить себя — не зря он долгие годы ходил к психиатру и работал над своей социопатией. Сейчас окружающим её даже практически не было видно — все думали, что Олег просто гордый, напыщенный и с короной на голове. Ну и ладно, ему было неважно, что думают окружающие. Главное, чтобы в душу не лезли и не пытались изменить.

Бестужеву было сложно строить крепкие и близкие отношения, поэтому он предпочитал необременительное приятельство. И краткосрочные связи с женщинами. Вот с последним было тяжелее всего — до тех пор, пока он не начал писать книги. Удивительно, но на страницах

собственных книг у Олега получалось построить любые отношения, а главное — после того, как он несколько часов выплёскивал на клавиатуру свои фантазии, становилось легче и проще жить. Да и его чудачества окружающие начали воспринимать терпимей — писатель же, что с него взять! И с женщинами всё упростилось. Во-первых, их стало больше в окружении Олега, а во-вторых, он обнаружил, что понимает, кто из них готов на секс без обязательств, а кто нет.

Но с течением времени и по мере развития собственной популярности дел всё прибавлялось, и однажды Бестужев с удивлением понял: половина рабочего времени уходит на какую-то ерунду вроде ведения групп в соцсетях и ответов на вопросы читателей. От этого портилось настроение, да и психоэмоциональное состояние тоже. И врач Олега посоветовал найти помощника.

Вот так в его жизни появилась Алла. Молодая девчонка, только что закончившая какой-то платный институт и больше жизни мечтавшая выйти замуж за богатого мужчину. Замуж Олег её, конечно, не взял, но пользовал регулярно — к обоюдному удовольствию. Где и с кем Алла проводит остальное время, Бестужева совершенно не волновало.

В душу к нему Алла перестала лезть быстро — как только узнала о его диагнозе. Почитала ещё о нём в интернете, перепугалась и даже уволиться хотела, дурочка.

— Я не маньяк, — объяснял ей тогда Олег. — И вообще неагрессивен. Социопатия разной бывает. Мне сложно строить обычные человеческие отношения, дружить и общаться. Но если тебя что-то напрягает — ладно, увольняйся.

Она на какое-то время задумалась, а потом поинтересовалась:

— Ты не умеешь любить, что ли?

Олег мог бы долго рассуждать о том, что такое любовь и стоит ли считать её обыкновенное чувство собственности, но не стал. Тем более что Алла была не настолько умной, чтобы понять, о чём он говорит.

— Не умею, — ответил он тогда, и девушка, подумав ещё немного, всё-таки согласилась остаться его помощницей в обмен на большую зарплату.

Точно такую же зарплату Бестужев предложил и Нине. Наверное, зря — надо было поменьше. Сейчас же ещё расходов прибавится... То он утолял сексуальный голод с Аллой, а теперь с кем будет?

Но принять свою прежнюю помощницу обратно Олег не мог. И дело было даже не в том, что она, вопреки запретам, дала почитать начало его нового романа какой-то подружке. В последнее время Алла стала наглеть, по-видимому рассудив, что вполне достойна стать женой Олега. Убедилась ведь давно, что в его диагнозе нет ничего опасного, наоборот, в чём-то он даже удобен. И начала навязывать Бестужеву свою компанию не только в рабочее время, практически поселилась в его доме. Олега это категорически не устраивало, так что увольнение Аллы было лишь вопросом времени.

А Нина... Ну, чисто теоретически можно попытаться проделать то, что порой делали его герои — как мужчины, так и женщины, — то бишь соблазнить. Вот только ключевое слово здесь — теоретически.

Олег в жизни никого не соблазнял и как-то не горел желанием учиться. Но и Нину ему тоже хотелось.

Да уж — дилемма.

8

Нина

Через часок-другой я окончательно успокоилась и призналась самой себе: ничего страшного я не прочитала и не увидела. Да, Бестужев спал со своей прежней помощницей. Но, во-первых, явно по взаимному согласию — значит, это не преступление. Во-вторых, он не женат и, скорее всего, по крайней мере, было у меня такое подозрение, у него нет девушки — значит, это не измена. В-третьих — не он первый, не он последний. И, наконец, в-четвёртых — не факт, что со мной Бестужев захочет того же самого. Может, сделал выводы, что нельзя смешивать работу с личной жизнью? Или, что ещё вероятнее, я не в его вкусе. На хрупкую пергидрольную блондинку я похожа ещё меньше, чем на музу популярного писателя.

Чёрт, почему-то даже обидно. Хотя я вроде не мечтаю оказаться в постели Бестужева — любителя двусторонних вибраторов, — но обидно. Чем я хуже этой «Пусечки»? У неё и сисек нет! Да и мозгов, судя по её провинности, тоже не слишком много. Хотя после того, что со мной случилось, я тоже вряд ли достойна называть себя умной.

Со своим первым мужем и отцом Машки я познакомилась на улице. Честно говоря, надо было уже тогда сделать выводы, но... мне было двадцать лет и на тот момент у меня ещё не имелось никакого опыта отношений, кроме дружеских. Скорее всего, потому что я, во-первых, училась на «женской» специальности редактора книжных изданий, и мальчишек на нашем курсе было раз-два и обчёлся, а во-вторых, я всегда была закомплексованным человеком. Кокетливости и лёгкости во мне ни на грош. Скромная полная девушка, похожая на цыганку, — совсем не прекрасная нимфа, ради которой кавалеры штабелями укладываются.

Зато училась я хорошо. И на работу устроилась быстро, даже не закончив институт. Каждое утро я шла от метро до офиса вдоль оживлённого проспекта — нагуливала себе рабочее настроение, а заодно и сжигала жиры.

Там я и познакомилась с Максимом. Он «подрулил» ко мне однажды и принялся из всех сил очаровывать — парень он обаятельный. Но я, честно говоря, поначалу не впечатлилась: мне казалось, что на улице знакомятся только психи. А уж когда он начал подходить ко мне каждый день, пока я гуляла от метро до офиса, и вовсе запаниковала. Даже пыталась изменить маршрут, но, так как Максим к тому времени уже знал, где я работаю, он стал ждать меня по вечерам возле выхода с работы. С неделю я сопротивлялась, но парень не отвязывался, и в итоге я решила сходить с ним на свидание.

Так всё и завертелось. Максим действительно был очаровательным и очень лёгким человеком — совсем не похожим на Бестужева, честно говоря. Постоянно улыбался и смеялся, шутил, веселил меня. Я в него сильно влюбилась, да и он в меня, наверное... Сейчас уже и думать об этом не хочется.

Максим сделал мне предложение через год после первой встречи. Я, естественно, согласилась. Свадьбу мы сыграли скромную, ещё чуть больше года жили душа в душу... А потом я забеременела.

Беременность у меня была тяжёлая — постоянный токсикоз, гематомы, тонус матки, отёки, давление... Чего у меня только не было, даже почки едва не отвалились. И за собственными проблемами я не замечала, как Максим почти перестал улыбаться и шутить. Он помогал мне тогда, старался делать всё, чтобы мне было легче выносить, и я это ценила. А настроение... ну, мне тоже было тяжело и не до шуток. Я думала — вот рожу, и станет легче.

Наивная! Конечно легче не стало, в чём-то даже наоборот — Машка почти не спала по ночам, я постоянно бегала к её кровати, кормила и качала, а Максим по утрам вставал на работу с чугунной головой.

Так продолжалось три месяца. Однажды утром Максим остался дома, сказав, что в офис ему нужно позже, мы с Машей отправились на прогулку... А когда вернулись, я не обнаружила дома ни мужа, ни части его вещей. Только записку:

«Нин, — писал он, — я больше не могу, прости. Я решил уехать. Мне нужно отдохнуть, проветриться. Я вернусь, обещаю».

Обещает он!..

Я была в шоке. Максим просто бросил меня со всеми проблемами — начиная от банальных денег, заканчивая заботой о Машке. Я не представляла, как со всем справлюсь, и в панике хваталась за голову.

Тогда ко мне переехал папа. С тех пор как я вышла замуж, он стал жить в нашем загородном доме, решив «не мешаться под ногами у молодожёнов», как папа выражался. Дом мы потом продали — не хватало денег на его содержание, а работать более-менее регулярно я сумела только, когда Машке исполнился год.

Я, проплакав пару дней, решила, что дам Максиму ещё один шанс, когда он вернётся. Но шли месяцы — один, другой, третий... Он даже не писал! Я не представляла, где Максим шляется — телефон был недоступен, в соцсетях муж не появлялся. И уже хотела подавать на развод, когда Максим наконец вернулся. И объявил мне сразу, с порога:

— Слушай, Нин, я понял — семья не для меня. Не хочу я эти пелёнки и памперсы видеть. Давай разведёмся?

Мне к тому моменту уже было всё равно, я даже видеть его не хотела, поэтому согласилась быстро. И интересоваться, где Максим был целых полгода, не стала.

Изначально мы договорились, что алименты Максим будет платить сам, — наивная я! Он покивал, но после того, как суд нас развёл, умотал в другую страну, и я в итоге не увидела от бывшего мужа ни копейки.

Маше я сказала, что её папа умер.

Думаю, это недалеко от истины.

9

Нина

Да, после истории с Максимом я долго не хотела никаких отношений и шарахалась от мужчин, как чёрт от ладана. Бывший муж просто убил во мне веру в людей, в их порядочность и честность. Он показал, как легко предать близкого человека — всё равно что плюнуть на асфальт. И совершенно не испытывать угрызений совести из-за этого. Подумаешь, бросил жену и трёхмесячную дочь! Подумаешь, алименты не платит! Зато он свободен и может заниматься чем хочет. Так, по-видимому, выглядит счастье Максима. Но не моё.

Я всегда знала, что Максим — лёгкий человек, но всё-таки не подозревала, что там даже не лёгкость, а уже невесомость какая-то. Пустота. Ни стыда, ни совести, ни верности, ни чести.

Поэтому я и предпочитала одиночество, точнее, компанию папы и Маши — людей, которые уж точно никогда меня не предадут и никуда не денутся. В том, что из Маши не получится такого же эгоиста, как Максим, я была уверена.

И когда во время прошлогоднего новогоднего корпоратива ко мне начал подкатывать сын генерального директора, я только напряглась и постаралась деликатно его отшить. Но Андрей не сдавался и продолжил в том же духе и после корпоратива. Раздобыл в отделе кадров мой домашний адрес и начал посылать цветы и подарки, подкарауливал возле издательства и приглашал на свидание, очаровательно улыбаясь. Однако Андрей слишком напоминал мне Максима — тот же типаж, даже улыбка похожа. Я сопротивлялась до последнего. В конце концов, спустя недели три таких вот «ухаживаний», я подумала: если не соглашусь, Андрей ведь может отомстить, ресурс у него есть. И решила перестать заморачиваться. Поимеет и успокоится, поставит галочку возле пункта «завоевать неприступную редакторшу».

К сожалению, Андрей не успокоился, продолжил ухаживать с прежним пылом. И, возможно, я бы даже могла его полюбить, если бы с самого начала меня не преследовало ощущение подставы. Не бывает так хорошо! Где-нибудь обязательно должна быть подлянка.

И она последовала. Причём без всяких причин — я ничего не делала для того, чтобы заслужить подобное обращение. Однако однажды Андрей просто заявил мне, что женится на дочери партнёра его отца, а я должна перестать мозолить ему глаза.

Ещё вчера он со всей страстью целовал меня, а тут вдруг такое...

— Ты шутишь? — вытаращила я глаза. — Не понимаю...

— Всё тут понятно, — отрезал Андрей, поморщившись. — Я прекращаю наши отношения, потому что женюсь. Но мне неудобно, если ты будешь работать в этой же отрасли. Поэтому... поищи себе другую работу.

Что это значит на самом деле, я осознала, когда меня уволили. До сих пор не понимаю, за что Андрей так со мной поступил, чем я ему настолько не угодила? Я была абсолютно не капризной любовницей, ничего не требовала. И если бы он просто сказал, что женится, я бы сразу отошла в тень и даже почти не обиделась. Да, я за то время, что мы встречались, успела в него немного влюбиться, но... Боюсь, всё же недостаточно для слишком сильных расстройств.

Порой я думаю, что Максим уничтожил мою способность влюбляться в мужиков. Точнее, не влюбляться — понравиться мне кто-то может вполне, — а любить. Искренне, всем сердцем.

Ведь любовь — это доверие в первую очередь. А как мужчине можно доверять? Ненадёжные товарищи. Сегодня он целует, а завтра уедет, бросив тебя с маленьким ребёнком на руках. Сегодня он улыбается и дарит цветы, а на следующий день сообщит, что ты уволена, причём не только с нынешнего места работы, а отовсюду. Превентивно. Чтобы глаза не мозолила.

И пусть мне очень хотелось думать, что Бестужев не такой — книги-то он писал замечательные! — но я не думала.

Лучше не очаровываться, чтобы потом ненароком не пришлось разочаровываться.

10

Нина

Отец и Маша, конечно, обрадовались, узнав, что я устроилась на новую работу, но не так чтобы слишком. Потому что они, в отличие от меня, не знали всех обстоятельств дела, были не в курсе, что мои шансы найти другую работу стремились к нулю. Разумеется, эта работа не идеальная — я всё же редактор, а не секретарь, — но хотя бы связана с книгами. Теперь надо подождать, пока Андрей уgomонится, его ультиматумы забудутся — и тогда я, наверное, смогу вернуться в офис. Не на прежнее место, само собой. Но хотя бы по специальности.

А пока действительно следовало радоваться. Особенно графику. Приехав домой не в семь, как обычно, а в три — Маша и папа ещё даже пообедать не успели, — я его особенно оценила. Да, с девяти до двух придётся вкалывать, причём не издавая звуков, но всё остальное время теперь принадлежит мне и моей семье.

Интересно, почему у Бестужева никого нет? Его биографией я никогда не интересовалась, но сегодня после обеда, когда Маша засела за уроки и я в кои-то веки стала ей помогать, раз уж не в офисе, я решила заодно и погуглить информацию о своём новом работодателе.

Сведения в интернете оказались скудными. Родился, учился, работал. Школу закончил с золотой медалью, учился на журфаке, работал внештатным автором во многих периодических изданиях. Второе высшее есть — по психологии. Вот уж не удивлена — что Бестужеву особенно хорошо удавалось, так это психологические портреты героев. Сразу чувствовалось, что он отлично разбирается в гранях человеческих характеров, особенно в том, как они формируются под воздействием внешних факторов.

Про семью ничего не было вообще, кроме краткой фразы: «Не женат, детей нет. На вопросы о личной жизни отвечать отказывается».

Я бы заподозрила в нём нетрадиционную ориентацию, если бы не переписка с «Пусечкой». До сих пор не верится, что я действительно прочитала всё, что прочитала. И что серьёзный и неулыбчивый Бестужев свою помощницу в телефонной книге назвал «Пусечкой». Вот эта сова как-то особенно на мой глобус не натягивалась.

— Мам! — воскликнула Маша, откладывая в сторону тетрадь по математике. — А я прочитала в интернете про этого писателя, на которого ты теперь работаешь.

— Да? — я улыбнулась и положила телефон, на экране которого тоже читала про Бестужева. — И как?

— Ну... — дочка задумалась. — Не знаю. Он же для взрослых пишет. Мне, наверное, нельзя такое читать?

— Думаю, тебе это будет неинтересно.

Наивная я! Утром следующего дня Маша торжественно заявила мне, что вечером нашла в интернете один из страшных рассказов Бестужева и прочитала его и ей очень понравилось.

— И мне даже потом кошмары не снились, — заключила дочь с радостной улыбкой. — Мам, а возьми у него автограф, а? У тебя же есть его книжки? Пусть подпишет!

Зная, что Маша с меня живой теперь не слезет, я пообещала ей достать автограф Бестужева, но взамен заставила поклясться, что больше ничего у него она читать не станет. Один крошечный рассказ про хэллоуинских монстриков — это ещё ладно, но, если дочка решит прочитать самый известный роман Бестужева о Джеке-потрошителе, мало нам с ней не покажется.

Я захватила из шкафа одну из книг Бестужева, расцеловала дочь и папу и побежала на работу.

11

Нина

Сегодня всё было немного иначе. Хотя я пришла без пяти минут девять, Бестужев уже был во всеоружии — свеженький, бодренький, серьёзный. Посмотрел на меня внимательно, и от его взгляда мне почему-то стало жарко.

— Я пойду работать, — сказал Бестужев, повесив мою куртку. — А вы сделайте мне кофе, Нина. Кстати... не хотите на «ты»?

Я вспомнила фамильярное «Олежек» Пусечки и едва не завопила: «Нет!!!»

Сдержалась.

— Вы можете называть меня на «ты», — ответила вежливо. — Но я всё-таки буду придерживаться другой формы. Вы мой работодатель.

— Как хотите, — мужчина пожал плечами, не изменившись в лице. — Кстати, держите телефон. Возможно, скоро позвонит моя мама.

— Почему вы так решили?

— Она обычно тратит сумму, которую я ей выдаю, дней за десять. Хотя выдаю я на две недели. Ну и сразу после этого звонит. Скажите ей, что я перезвоню вечером.

Я несколько секунд сомневалась, стоит ли уточнять кое-что... но в итоге любопытство пересилило осторожность.

— А почему ваша мама, зная ваши... — чуть не сказала «заморочки», — ваши привычки, не звонит сразу вечером?

На губах Бестужева мелькнула скованная полуулыбка, и я поймала себя на мысли, что уже начинаю привыкать к полужамороженной манере общения этого мужчины. Хотя, конечно, интересно, выходит ли он когда-нибудь из себя? Орёт ли, возмущается? Впадает ли в ярость? Про то, чтобы ржать во всю глотку, я молчу...

— Я думаю, вы догадаетесь, — ответил Бестужев и ушёл в кабинет.

Я быстро сходила в туалет, вымыла руки, а затем отправилась на кухню. Сварила кофе и себе, и писателю и только хотела поставить чашки на поднос, чтобы идти в кабинет, как завибрировал телефон, который я положила рядом на столешницу.

«Мама» — красовалось на дисплее.

У меня даже волосы на затылке зашевелились. Как это у Бестужева получилось? Пять минут назад сказал, что мама позвонит, — и вот, она звонит. Про деньги он, конечно, мог догадаться. Но не про время вызова! Ведь она могла позвонить и через два часа. А тут...

Взяв трубку с опаской, я приняла вызов и, кашлянув, проговорила:

— Алло...

— Так-так! — фыркнула неизвестная женщина. — Значит, нашёл-таки замену. А Аллочка мне клялась, что не найдёт, дурочка! Кто же отказывается от такой зарплаты! И как тебя зовут, недоразумение?

Ничего себе мама у Бестужева. Хамло трамвайное! А сам он вежливый. По крайней мере, пока. Притворяется или на самом деле?

— А вас как зовут? — ответила я примерно в том же небрежном тоне. — А то на экране надпись «Мама», но мамой я вас звать, извините, не буду. Плохая примета, если твоя настоящая мама давно лежит на кладбище.

Молчание.

— Сиротка, что ли? — протянула родительница Бестужева голосом Семёна Фарады из фильма «Формула любви». Я бы не удивилась, если бы она ещё и «подсюды» добавила. — Меня зовут Галина Дмитриевна. Можно просто тётя Галя.

«Г» у моей собеседницы получалось откровенно фрикативное.

— А я — Нина. Да, я новая помощница вашего сына.

— Сына! — Галина Дмитриевна фыркнула. — Да разве же это сын? С матерью и говорить не желает, ничего не слушает! Сразу прощается, на вопросы не отвечает. Хорошо хоть Аллочка у меня была, можно было пообщаться, о жизни его узнать. А теперь что, уж и не знаю.

Ага, значит, «Пусечка» и «Аллочка» — одно лицо. То самое, пергидрольное. И мать Бестужева переживает, что потеряла своего болтливого шпиона.

Правильно переживает. Обсуждать работодателя — последнее дело. Даже с его матерью!

— Я могу отвечать на ваши вопросы, — я решила выразить свой отказ помягче. — Но, конечно, в ограниченном формате. Сплетничать об Олеге... — Я запнулась: отчество Бестужева совершенно вылетело из головы. Ай, ладно! — Да, сплетничать не стану.

— Ишь ты, строгая какая, — вновь расфырчалась женщина. — Никакие это не сплетни, а обыкновенное материнское беспокойство! К нему же ни на какой козе не подъедешь, по крайней мере, мне. Как он выглядит-то? Нормально? Не похудел?

Странная, конечно, у Бестужева мама. Он и сам чудной, но она, по-моему, бьёт рекорды.

— Нормально выглядит. Насчёт похудения не знаю, я ведь второй день только работаю.

— А-а-а... — Галина Дмитриевна вдруг захихикала. — Ну, и как он тебе?

В глубине души заворочалось нехорошее подозрение, но я пока надеялась, что мне просто кажется.

— В каком смысле?

— Да в том самом! — Хихиканье продолжилось. — Аллочка Олежека очень хвалила. Удивлялась, что в обычной жизни он сухарь, но только не в постели. Ты тоже заценила, да?

Вашу мать, да за ногу!

На этот раз волосы у меня зашевелились не только на голове, а кажется, повсюду.

— Он перезвонит вам вечером, — еле выдавила из себя я и положила трубку. Засунула телефон в карман джинсов и глубоко вздохнула.

Если монолог «Пусечки» я бы хотела развидеть, то недавний диалог с мамой Бестужева — расслышать.

Какой-то лютый треш! Его помощница обсуждала с Галиной Дмитриевной постельные подвиги её сына и своего работодателя — и всем было нормально. И Аллочке, и матери Бестужева, и самому Бестужеву. Что за бред? Почему он никого не уволил и не приструнил?

По сути, это не моё дело, но... Мне ведь здесь ещё работать!

И кстати... надо бы узнать, когда у меня первая зарплата.

12

Олег

Нина пришла с кухни вместе с подносом, на котором стояли две чашки с кофе. Олег на мгновение поднял глаза от экрана, чтобы взять чашку, мазнул взглядом по хмурому лицу своей помощницы и сразу понял: мама звонила.

Кто ещё мог загрузить до такой степени улыбчивую Нину? Только она.

— Моя мать не самый лёгкий в общении человек, — произнёс Бестужев, вглядываясь в мрачное лицо Нины. Она вздрогнула и посмотрела на Олега с удивлением. — Что ты так реагируешь? Я не слышал вашего разговора — работал. Просто догадался.

— Как об этом можно было догадаться? — пробурчала девушка, подхватывая поднос и отходя к своему рабочему месту. — Вы экстрасенс, что ли?

— Нет. Просто неплохо разбираюсь в человеческой психологии. Особенно — в психологии своей матери. Я уже говорил: какую сумму денег я бы ей ни давал — а я пробовал давать и очень большую, чтобы беспокоила меня реже, — она тратит всё до копейки за десять дней. Раньше она беседовала с Аллой и была довольна, потому что моя прежняя помощница обожала болтать по телефону и сплетничать. Ты не такой человек. Поэтому моя мама сказала тебе что-то специально, чтобы ты испугалась и уволилась. Так?

Нина в шоке вытаращила глаза и плюхнулась в кресло. Олег удовлетворённо кивнул — не скрипит! Вчера он потратил целый час жизни, разбираясь, откуда скрип, но в итоге всё починил.

— Да-а-а... — протянула девушка и, подняв руку, в задумчивости потерла нижнюю губу.

Олег проводил взглядом этот жест и едва не облизнулся — настолько аппетитно выглядела Нина. Особенно её губы — крупные и полные. При взгляде на них невозможно было удержаться от неприличных картинок в своей голове.

— То есть она такая, потому что хочет, чтобы я уволилась, а вы вернули Пус... Аллочку! Тьфу, Аллу.

Судя по тому, каким очаровательно-розовым цветом налились щёки Нины после того, как она назвала имя бывшей помощницы Олега, «пообщаться» девушка успела не только с его матерью.

Поразмыслив ещё несколько мгновений, Бестужев понял, где Нина могла выискать информацию о «Пусечке».

— Свой номер в мой телефон заносила Алла, — пояснил он невозмутимо, пока Нина всё сильнее краснела. — Она и записала себя Пусечкой. Мне без разницы. Тебе, кстати, тоже нужно забить в мой телефон свой номер. Я вчера забыл об этом попросить.

— И что, — Нина пыталась вновь стать спокойной и независимой, но получалось плохо, — я тоже могу назвать себя, скажем, Пупсиком?

— «Пупсик» тебе не идёт. Кудряшка, Пухляшка, Бомбочка... выбирай любое, — хмыкнул Олег, взял в руки чашку с кофе и сделал глоток.

Отлично. Всё-то Нина делала отлично — и кофе варила, и правки вносила, и на комментарии отвечала так, словно книги его знала не хуже, чем сам автор. Была бы ещё доступнее — цены бы ей не было!

А пока сиди и страдай.

13

Нина

Никакой «Кудряшкой» или, боже упаси, «Бомбочкой» я себя записывать не стала. Забила как положено — Нина Маркова. Скучно и правильно.

Заодно внесла номер Бестужева в свой телефон, тоже как положено — Олег Бестужев. И невольно задумалась: а как его называла Аллочка-Пусечка? Ну, кроме фамильярного «Олежек». Масечка? Котик? Львёночек? Зайчик? Или по аналогии с настоящей фамилией — Рюмочка?

Подумав так, я невольно даже не хихикнула — хрюкнула, и Бестужев недовольно на меня посмотрел из своего угла у окна.

— В чём дело, Нина? Что смешного?

Ага, так я тебе и призналась. Хотя...

— Просто представила, как вы эту Аллочку Пусечкой называли.

Нагло, конечно. Но он, кажется, не обиделся. Улыбнулся даже чуточку.

— Я её так не называл. Кстати, хотел спросить... Ты с таким знанием дела отвечала на комментарии, в которых читатели просят уточнить что-то по сюжету. Мне понравилось, молодец. Читала мои книги, получается?

— Конечно читала.

— А какие? — Бестужев оживился. Понимаю — каждому автору хочется обсуждать свои творения.

— Все, — призналась я, ощущая небольшую неловкость. — Мне очень нравится, как вы пишете. Я из-за этого вчера, когда правки вносила, с трудом удержалась от чтения.

— Могу тебе файл прислать, — тут же предложил беспечный Бестужев. — Прочитаешь в свободное время и выскажешь мнение.

Мне хотелось поинтересоваться, неужели он учтёт это мнение, если мне что-то не понравится, — но гораздо важнее был другой вопрос.

— Вы зря так доверяете незнакомому человеку, — сказала я строго и даже нахмурилась. — Вон как вас Алла подвела, дала начало нового романа почитать подружке. Вдруг я так же поступлю?

О том, что не стоило выдавать такие подробности, я подумала, когда уже выдала их. Но Бестужев даже внимания не обратил.

— Не поступишь. Алла без царя в голове, беспечная и недалёковидная. Ты другая.

Я хотела брякнуть: «Если она такая дура, что же вы держали её рядом с собой?» — но прикусила язык. Понятное же дело, почему он не увольнял эту пергидрольщицу.

— И всё-таки, — настаивала я, — может, нам нужно какое-то соглашение подписать? О неразглашении хотя бы. Ну и так, основные мои обязанности прописать. И ваши, как работодателя. Я, например, до сих пор не знаю, когда у меня первая зарплата.

— Пятнадцатого числа, — тут же откликнулся Бестужев. — Я перечисляю тебе деньги на карточку первого и пятнадцатого числа каждого месяца. А насчёт соглашения... Хорошо, давай подпишем. Я не против. Подготовишь?

— Я?!

— Ну не я же.

Вообще логично, конечно. Я же помощница писателя. Бестужев только пишет, а я делаю всё остальное.

— Ладно, готовлю. А вы дадите мне автограф? Дочка просила книжку подписать. Кажется, он удивился.

— Твой дочке ведь семь лет? Не рановато?

А неплохая у Бестужева память... Мог бы и не запомнить Машкин возраст. Уверена, Максим давно уже забыл и её возраст, и даже дату рождения.

— Рановато. Но она просто прочитала вчера один ваш рассказ, ей понравилось, и она попросила меня взять автограф.

— Интересно. — Бестужев сделал глоток кофе, и в его глазах засверкало любопытство. — Что за рассказ понравился семилетнему ребёнку?

— «Склеп». Ну, там, где на Хэллоуин оживают монстрики с кладбища и идут гулять по городу.

— А-а-а, тогда понятно. — Бестужев улыбнулся почти как обычный человек — широко и задорно. — А знаешь что, Нина... Спроси у дочки, не хочет ли она стать персонажем рассказа? Я бы написал. Как раз хотел для отвлечения сочинить что-нибудь новогоднее.

— Шутите? — Мне пришлось вцепиться в подлокотники кресла, чтобы не свалиться с него.

— Почему? Не шучу, конечно. Тебе, правда, придётся мне про свою дочку рассказать, но думаю: ты справишься... — Тут взгляд Бестужева упал на монитор, и мужчина поморщился.

— Заболтался я что-то с тобой. Надо дальше писать. Всё, тихо!

Я зажала улыбающийся рот рукой и отвернулась.

14

Нина

Пока Бестужев строчил, я искала в интернете «рыбу» соглашения о неразглашении. Нашла, поправила, кое-что добавила, распечатала на принтере, что стоял в углу моего стола, и принялась ждать окончания рабочего времени, чтобы подсунуть эти бумажки Бестужеву.

Сегодня правок было гораздо меньше, да и комментариев тоже, так что справилась я быстро. Зато настало время выкладывать на литературные порталы продолжение нового романа — и это оказался новый и очень интересный опыт.

Я как-то не ожидала, что Бестужев делегирует мне и подобную обязанность. Но он действительно сам хотел только писать книги, и больше ничего. Даже загружать читателям раз в неделю по новой главе продолжения ему было лень. Хотя в процессе загрузки я поняла почему — это оказалось мучительно и утомительно. Один портал, другой, третий... Ещё и нужно было проверить, чтобы там всё правильно отобразилось, а потом сидеть и смотреть кучу комментариев. Бестужев требовал, чтобы я высылала ему письмом стоящие замечания читателей.

«Стоящие»... Интересно, как с этим справлялась Аллочка? Бестужев сам сказал, что она была без царя в голове. Или он только на мне отрывается, а у Пусечки были другие обязанности?

Я невольно покосилась на работодателя — и залюбовалась. Со своего рабочего места мне было отлично видно сосредоточенное лицо Бестужева, не идеальное, но очень живое и харизматичное. Широкие брови, чуть небритые щёки, к которым хотелось прикоснуться, узкие губы — они то сильно поджимались, то начинали что-то шептать, и выглядело это умилительно.

Я неожиданно поймала себя на мысли, что мне нравится смотреть на Бестужева. Ещё не хватало! Подобным образом я когда-то залипала на Максима. Кстати, и мой бывший муж, и Андрей — мужчины совершенно иного склада характера. «Улыбаемся и машем» — их девиз. Даже гадости они будут делать с улыбкой. Бестужев же... хм... А будет ли он вообще тратить время на месть? Его, похоже, ничего, кроме книжек, не волнует.

Сегодня Бестужев закончил не в два часа дня, а в полтретьего, и последние полчаса я просидела как на иголках — очень хотелось уже перестать изображать из себя мышь под веником, потянуться до хруста косточек, высморкаться и кашлянуть от души. Тем более что весь объём работы на день я давно сделала и последний час отдыхала, почитывая на одном из литературных порталов новый роман своего работодателя. Классно пишет, чертяка! Красиво, гладко, задорно, с юмором. Моим любимым — мрачным и чёрным. Забавно, что со стороны по Бестужеву и не сказать было, что он способен вот так писать. Однако же...

— Извини, Нина, — мужчина наконец отлип от монитора и, откинувшись на спинку кресла, потёр указательными пальцами веки. — Я не всегда могу прекратить писать ровно в два часа. Не люблю прерывать сцены. Должен был дописать.

— Ничего, я понимаю, — я пожала плечами. — Я тут соглашение подготовила. Подпишите?

— Какое соглашение? — Бестужев посмотрел на меня глазами совы, которая едва успела уснуть, но тут её вновь разбудили, помахав перед носом живой мышью.

— О неразглашении. Ну и так, по мелочи. — Я встала и, захватив со стола распечатанное соглашение, подошла к Бестужеву. Положила перед ним бумажки, выпрямилась и глубоко вздохнула, чувствуя, как непроизвольно начинаю розоветь от волнения. Хоть бы подписал! Тогда, если что, смогу ткнуть его в этот пункт пальцем. — Вот, можете посмотреть.

Несколько мгновений мужчина, вместо того чтобы читать, внимательно смотрел на меня, и мне казалось, что под этим взглядом румянец на моих щеках усиливается. И когда я уже

хотела напомнить про распечатанное, Бестужев наконец опустил глаза и принялся просматривать соглашение.

Через несколько мгновений я поняла ещё одну вещь о своём работодателе — он очень быстро читал. И не успела я опомниться, как Бестужев подмахнул оба экземпляра соглашения, которые предварительно уже были подписаны мной.

И это, кстати, оказалось моей ошибкой. Поскольку, как только Бестужев вернул бумаги, я, заглянув на вторую страницу соглашения, увидела, что мой работодатель кое-что подписал вручную к одному из пунктов.

Пункт этот гласил: «Работодатель гарантирует, что будет сохранять с Работником исключительно деловые отношения. Любое принуждение Работника к интимным отношениям запрещено данным Соглашением».

Рядом рукой Бестужева было подписано: «Интимные отношения между Работодателем и Работником возможны только по обоюдному согласию».

Я возмущённо запыхтела и кинула на Бестужева гневный взгляд. Этот гад сидел за столом и смотрел на меня с невинным видом.

— Что-то не так, Нина? Есть возражения?

— Есть, — процедила я, скрипнув зубами. — Вы это... зачем подписали?

— Чтобы обезопасить себя и тебя, — ответил он невозмутимо, будто ничего такого и не совершил. Действительно — подумаешь! — Подобные категоричные формулировки недопустимы там, где речь идёт о человеческих отношениях. Более того, я подозреваю, что юридически подобные требования ничтожны. Никто не может запретить одному взрослому человеку заниматься с другим взрослым человеком сексом по обоюдному согласию. Это как с разводом — можно подписать сколько угодно договоров о запрете разводиться, но, если один из супругов захочет уйти, суд их всё равно разведёт.

— Мы с вами не супруги. И я хотела бы быть уверенной...

— Так будь, — пожал он плечами. — Я ведь подписал гарантию. Просто добавил формулировку про взаимное согласие. Не пойму, что тебе не нравится.

И тут меня прорвало.

— То, что подобная формулировка подразумевает, что это взаимное согласие вообще возможно! — я всплеснула руками, чувствуя себя рыбой, которую бросили в кипяток, — так жарко было. — Тогда как...

— Конечно возможно, — перебил меня Бестужев будто даже с укоризной. — Я бы сказал, что желательно, но боюсь, что за подобные откровения ты зарядишь мне в лоб. Поэтому иди-ка домой, Нина. Я тебя и так сегодня задержал.

«Я бы сказал, что желательно».

Клянусь, я никогда в жизни так не смущалась, как после этого своеобразного признания, что Бестужев был бы не против...

Поэтому поспешила поскорее ретироваться. Точнее, я почти сбежала, едва не забыв в кабинете Бестужева свою сумку...

15

Олег

То, что он сообщил Нине о своих намерениях, — скорее хорошо, чем плохо. По крайней мере, Олег предпочитал воспринимать случившееся именно так. Пусть знает. Она женщина разумная. Соблазнить её у него вряд ли получится — навыков нет, а деньгами соблазнять Нину бесполезно. Зато теперь, когда Бестужев, по сути, озвучил ей завуалированное предложение, Нина станет думать об этом. Рассуждать, сомневаться, колебаться — и в итоге, вполне возможно, решит, что ничего страшного в интимной связи между ними нет. Свободные взрослые люди, что тут такого-то? Вряд ли Нина — из тех наивных барышень, что верят, будто секс возможен лишь по любви. Судя по её настороженному взгляду, эта женщина уже осознала, что секс и любовь — игроки из разных команд.

Любовь...

Олег скептически хмыкнул и отправился к рабочему месту своей помощницы. Она так быстро убежала, что забыла отдать мобильный телефон. Следовало всё-таки позвонить матери, и можно не откладывать это на вечер — иначе потом Олег, чего доброго, не уснёт.

Если бы Бестужева спросили, любит ли он мать, Олег бы не смог ответить однозначно. Увы, но безусловная любовь, которую склонны ощущать дети по отношению к родителям, в нём, скорее всего, изначально отсутствовала. А если даже когда-то и была, то давно трансформировалась в нечто настороженное, опасливое — как зверь ожидает всяческих неожиданностей от своего дрессировщика.

Галина Дмитриевна была матерью-одиночкой, кроме того — компанейским человеком. В отличие от Олега, который — как выяснилось сильно позже, когда он уже самостоятельно обратился к врачам, — с детства имел некую форму социофобии. И его состояние активно усугублялось поведением матери. Она, видя, что ребёнок замкнут и старается не взаимодействовать со сверстниками, вместо того, чтобы пойти к специалистам, начала таскать Олега повсюду с собой. Детский сад был меньшей бедой — куда сильнее мальчишку напрягали бесконечные походы в гости к подругам матери, коих у Галины Дмитриевны было безумное количество. И «круговорот "отчимов" в природе». Олег даже не успевал запоминать их имена — настолько быстро эти мужики куда-то сваливали, поняв, что с такой женщиной, какой была мать Бестужева, ловить им нечего. Один даже попытался изнасиловать Олега, но мальчик успел убежать. Хорошо, что почти в тот же вечер тот мужик ушёл и больше не вернулся.

Галина Дмитриевна всегда была на редкость безалаберной особой, но в детстве Олег этого не понимал, конечно. Понял, когда вырос. С таким диагнозом Олегу были противопоставлены подобные условия жизни — они только усугубляли болезненное состояние и увеличивали нежелание «прогибаться под изменчивый мир». Бестужев и не прогибался. Поначалу, до школы, общался с окружающими только по крайней необходимости, получая удовольствие лишь от чтения и одиночества. Новые знания Олег всегда впитывал с большой охотой.

Но в школе всё изменилось. Он неожиданно ощутил жуткое раздражение от того, что его вечно заставляют что-то делать — сначала мать, теперь учителя. И начал «бунтовать», специально действуя наперекор всем возможным правилам. Ничего криминального Олег не совершал — обычные детские шалости, но и их хватало, чтобы Галину Дмитриевну постоянно вызывали в школу. И сколько бы с ним ни беседовали учителя или мать — Олег не понимал, почему должен кого-то слушаться. С какой радости? Понятие «авторитет» в то время являлось для него пустым звуком, не говоря уже об этикете, морали и нравственности.

Бестужев понял всё это благодаря книгам. Читая о других людях, о дружбе и любви, которых в его жизни не водилось и к которым не тянуло, Олег постепенно осознал, что отли-

чается от остальных. Причём очень сильно — некоторые моменты, описанные в книгах, он даже не способен был осознать, потому что не понимал: о чём пишет автор, когда ведёт речь, допустим, об угрызениях совести? Или о чувстве вины? О желании с кем-то подружиться?

Олегу захотелось что-то с этим сделать, но без помощи матери это было невозможно до тех пор, пока ему не исполнится пятнадцать. Обращаться к Галине Дмитриевне и объяснять ей, что подозревает у себя расстройство личности, Олег не желал. Разговаривать с матерью ему всегда было как-то особенно тяжело — с учителями и то легче. Может, потому что они требовали от него только выполнения домашних заданий и примерного поведения в школе — мать же давила гораздо сильнее.

С пятнадцати лет Олег ходил к психиатру для коррекции своего состояния и поведения и добился значительных успехов. Теперь он понимал, как нужно жить в обществе и общаться с людьми, чтобы тебя считали «нормальным». Да, Олегу до сих пор было сложно заводить близкие отношения — он по-прежнему предпочитал любым отношениям обычную манипуляцию и взаимную выгоду. Но, по крайней мере, окружающие перестали его бесконечно раздражать. Появились многочисленные приятели, с которыми Бестужев порой куда-нибудь ходил. Он теперь вполне мог просидеть два часа в театре или на концерте, тогда как двадцать с лишним лет назад подобное вызывало у него неприязнь. Олег стал способен анализировать и свои поступки, и поступки окружающих и отдавать отчёт в собственных действиях. Бестужев ещё помнил, как когда-то никак не мог понять, отчего не может просто встать и выйти из класса, если ему нужно в туалет. Или взять чужую вещь без разрешения. Или соврать в ответ на простой вопрос.

Самым забавным было то, что его мать, несмотря на то, что Олег до сих пор порой общался с психиатром — уже не регулярно, а по мере необходимости — и пил таблетки, так ничего и не узнала. Иногда Бестужев пытался представить, как бы она отреагировала, узнав о его «прекрасном» диагнозе — диссоциальное расстройство личности, — и невольно начинал улыбаться, понимая, что для матери это был бы чистейший, концентрированный ужас.

Сам он как-то давно уже привык.

16

Олег

— Мне не понравилась твоя новая помощница, — с апломбом заявила Галина Дмитриевна, как только сняла трубку. — Грубая и невоспитанная, не чета Аллочке.

— Она просто не болтливая, в отличие от Аллы, — усмехнулся Олег. — Но вообще это не твоё дело. Будешь её против меня настраивать — урежу содержание.

— Что ты! — сразу переполошилась мать. — Я всегда за тебя, Олежек, и никогда против. Если тебе Аллочка разонравилась, а теперь нравится эта Нина, ну и пусть. Меня всё устраивает!

— Вот и отлично. А чтобы тебя ещё больше всё устраивало, я перечислю деньги только через четыре дня. По расписанию.

— Олежек, но как же...

— С голоду ты не помрёшь, — отрезал Бестужев. — Ничего, побудешь четыре дня дома, подумаешь о своём поведении. И кстати, оно не только Нины, но и Аллы касается. Хватит с ней общаться. Не верну я её.

— Зря ты так, Олежек, — вздохнула Галина Дмитриевна. — Мы к тебе обе — с добром. Я же мама твоя, а из Аллы хорошая жена получилась бы.

— Это ты с чего взяла? — заинтересовался Олег. Ему казалось, что Алла как раз не создана для семьи — слишком уж она любила свободу от всего. Он был уверен, что все пять лет работы на него Алла встречалась с кем-то ещё. Поэтому Бестужев всегда использовал презервативы.

— Да нагулялась девка-то, — фыркнула Галина Дмитриевна. — Поняла, что п**да не резиновая, остепеняться пора, детей рожать. Она бы тебя заботой окружила такой, что любого дорогого. Потерять очень боялась. А ты её вот так, из-за глупой какой-то ошибки...

— Ну вот такой я бессердечный, — пожал плечами Олег и, попрощавшись с матерью, положил трубку.

Семья, дети... Всё это, конечно, прекрасно. Но какая нормальная женщина согласится на создание семьи с социопатом?

Алла — да, была согласна, но только из-за денег, и потому что знала Бестужева в течение пяти лет. Может, она и не плохой вариант, но... Алла Олега раздражала. Он терпел её только потому, что во время его работы над текстом она молчала, ну и в сексе была хороша и удобна. А в остальном...

Хотя Олега так или иначе все раздражали — стоило только вспомнить любого из близких знакомых, как тут же приходили в голову черты их характера или привычки, которые выводили Бестужева из равновесия. В Нине, правда, пока ничего не раздражало, кроме её недоступности.

Но, скорее всего, просто потому что он её ещё плохо знал.

17

Нина

Только дома я вспомнила, что забыла подписать у Бестужева книгу для Маши. Ребёнок, конечно, расстроился, но тут же утешился, как только я рассказала об идее своего работодателя написать про Машу книгу. Точнее, не про неё — просто Маша будет одним из персонажей, — но для дочки это звучало именно так, и никак иначе.

Ещё Маша тут же загорелась желанием познакомиться с Бестужевым и в силу возраста не могла понять, отчего я говорю, что это нереально. Тем более что она точно помнила, как в прошлом году моя коллега праздновала день рождения своего сына — он одного возраста с Машей — и позвала всех в кафе вместе с детьми. Там Маша познакомилась со многими редакторами из моего бывшего отдела. Поэтому теперь ей было неясно, отчего знакомиться с «тётей Олей» и «дядей Владом» было нормально, а увидеть Бестужева не светит. Но ничего, придётся дочке как-то с этим смириться.

На следующий день была суббота, и Маша очень расстроилась, что с утра я не останусь дома, а вновь отправлюсь на работу. Пришлось объяснять ей про длительность рабочего дня и размер зарплаты, от этой самой длительности зависящий. Маша немного подулась, но в итоге оттаяла. Тем более что ей личную новогоднюю сказку обещали, ради этого можно было и потерпеть немного.

Около восьми часов я выскочила из дома, раздумывая, стоит ли после окончания рабочего дня ещё зарулить в торговый центр, подобрать Маше подарок на Новый год, или ещё подождать? И, запрыгивая в автобус, отчётливо ощутила вибрацию мобильного телефона у себя в сумке...

Как многие мамы, я всегда смотрю, если кто-то звонит или пишет. Мало ли что? Вдруг у Маши с бабушкой что-то случилось, ну или Бестужев заболел. Он живой всё-таки человек, вполне мог простудиться и написать мне: «Нина, не приезжай».

Но это был не Бестужев.

Номер Андрея я в чёрный список не добавляла, предполагая, что он и сам не станет мне ни звонить, ни писать. А как иначе, когда у него свадьба на носу? По слухам, торжество должно состояться в конце апреля, и я мстительно надеялась, что с погодой им не повезёт.

И сейчас я просто вытаращила глаза, уставившись на краткое: «Скучаю по тебе, Нина».

Если бы Андрей не добавил моё имя, я была бы уверена, что он ошибся номером. Но раз добавил...

Интересное кино. Скучает он, ага. Меня по его милости выперли с родного места работы, откуда я совершенно не собиралась уходить в ближайшую вечность, — а теперь, значит, он по мне скучает. Что за ерунда?

Я даже не стала ничего отвечать. Вряд ли у Андрея есть рычаги давления на Бестужева. Значит, плевать. Пусть подавится своим скучанием.

Ах да! Его номер я всё-таки добавила в чёрный список, чтобы больше не писал мне всякий бред.

18

Нина

Мой третий рабочий день начался бы как обычно, если бы возле подъезда дома Бестужева я не столкнулась с той самой пергидрольной блондинкой. Девушка стояла рядом со входной дверью и курила вонючую ментоловую сигарету. Я ожидала, что бывшая помощница Бестужева мне что-нибудь скажет, но Алла промолчала — только проводила меня неприязненным взглядом. Хотя она, наверное, просто не знала, как я выгляжу, поэтому и промолчала. Мало ли, кто заходит в этот дом в девять часов утра? На мне ведь не написано, что я именно к Бестужеву направляюсь.

Хотя... рано я радовалась.

Пергидрольщица прошмыгнула за мной в подъезд, и меня сразу осенило — значит, она просто не могла попасть внутрь! Интересно почему? Допустим, ключ от домофона Бестужев у неё отобрал — мне он его дал в первый день, кстати, — но код от подъезда ведь можно было запомнить? Бестужев ведь и его тоже сказал — на тот случай, если замок заклинит.

Печальная ситуация. Получается, я сейчас приведу Аллочку вместе с собой... Вряд ли Бестужев будет счастлив её видеть. Но ладно уж — всё равно ему придётся с ней пообщаться, раз девица так решительно настроена.

Впрочем, спесь с неё можно и сбить.

Мы зашли в лифт, я вежливо поинтересовалась, какой нужен этаж, нажала кнопку... и сказала, когда двери уже закрылись:

— Зря ты сейчас к Олегу едешь. У него планы.

Аллочка посмотрела на меня изумлённо округлившимися глазами, оглядела с ног до головы... Ну да, я её постарше, и комплекция совсем не та. Видимо, дамочка ожидала, что у Бестужева вновь работает такая же пергидрольщица, а тут такое — и фиг знает, как на это реагировать.

— Планы?..

— Ага, — я кивнула. — На меня. Тебе ли не знать, как он не любит, когда мешают его планам? Так что зря ты.

Аллочка поджала идеальные губы.

— Много ты понимаешь! Ты с ним сколько — один день, два, три? А я — пять лет!

— Была пять лет, — пожалала я плечами. — А теперь нет. И лучше бы смирилась, чего ты унижаешься? Разве он любит, когда унижаются?

Тут я говорила наугад — я ведь не знала точно: а вдруг Бестужев как раз любитель БДСМ-игр? Но отчего-то мне казалось, что это совсем не его тема. Почему — чёрт знает, но вот было такое ощущение.

И, видимо, я не ошиблась.

Алла побагровела от злости, посмотрела на меня так, будто мечтала убить, а потом, свирепо прищутив подведённые тёмным карандашом глаза, процедила:

— А про диагноз его ты знаешь?

Удержать лицо мне явно не удалось — и Аллочка победно усмехнулась.

— Значит, не знаешь... Тогда и не буду тебя просвещать. Могу только намёк сделать... У него в телефоне записан Новиков Борис Станиславович. Погугли, кто это такой.

Пока я думала, что сказать в ответ, двери лифта распахнулись, и Аллочка выбежала наружу. Но вместо того, чтобы направиться к квартире Бестужева, побежала вниз по лестнице.

Ага. То есть девица явно выдала мне какой-то свой козырь и теперь надеется, что я сбегу от Бестужева самостоятельно, а она потом бац — придёт и спасёт его от завалов правок в новом романе.

Но я, честно говоря, даже не представляла, что такого могу выяснить про этого Новикова Бориса Станиславовича, чтобы испугаться аж до увольнения по собственному желанию. Если Бестужев в свободное от работы время не бежит по квартире с топором наперевес и не гоняется с ножом за соседями, то всё остальное мне до лампочки. Главное, чтобы зарплату платил! Мне ещё подарок Машке на Новый год покупать...

19

Нина

Тот факт, что «к нам едет ревизор», точнее, что приходила Аллочка, я от Бестужева скрывать не стала. И заявила прям с порога, как только он открыл мне дверь и впустил внутрь:

— Я ехала в лифте с вашей Аллой. Но она по какой-то причине решила не заходить и ушла. Но я думаю: она ещё вернётся.

— Скорее всего, — кивнул Бестужев, помогая мне снять куртку. — Алла — девушка целеустремлённая. Будет долбиться в закрытую дверь, пока не разобьёт голову.

— Надеюсь, это фигурально выражаясь? — уточнила я настороженно, и на губах моего работодателя мелькнула лёгкая улыбка.

— Разумеется, Нина. Я женщин не бью. Но дрался когда-то много. С одноклассниками.

— Дрались? — я удивлённо посмотрела на Бестужева. — Что-то не верится. Вы такой... спокойный...

— Я не всегда был спокойным. Но это долгая история. Пойду к себе работать. Жду кофе.

Бестужев ушёл в кабинет, а я отправилась на кухню. И, пока работала кофемашина, вытащила телефон, подержала его немного в ладони, не зная, гуглить или нет... но любопытство перевесило.

Лучше бы я этого не делала.

Новиков Борис Станиславович оказался врачом-психиатром, причём довольно-таки известным специалистом, особенно в области расстройств личности. Вкупе со сказанным Аллочкой по поводу диагноза Бестужева читалось это всё весьма... зловеще.

Значит, все странности моего работодателя могут быть вовсе не потому, что у него самолюбие, гордыня и корона на голове...

Не могу сказать, что меня не напугало подобное известие. Нет, я, как любой нормальный человек, не склонный ни к каким расстройствам — ни к личностным, ни к обычным, — разумеется, насторожилась. Психически больной человек в качестве работодателя — удовольствие сомнительное. Однако я не склонна к паническим настроениям, поэтому старалась рассуждать логически.

Алла работала с Бестужевым пять лет и стремилась вернуться — значит, ей его неизвестный диагноз не мешал.

За три дня плотного общения я не заметила у Бестужева никаких проявлений агрессии. Наоборот — он казался человеком с идеальным самоконтролем, это истораживало. Я даже не удивилась, когда загуглила фамилию этого психиатра и поняла его связь с тем, что говорила Алла о Бестужеве. Удивительно, как я сама об этом не подумала? Ведь все странности этого мужчины — хотя бы даже то, что ему было безразлично, в каком ключе Алла и его мать о нём сплетничают, — буквально кричали о ненормальности моего работодателя. И то, что он абсолютно спокойно отдал мне не запасной, а свой личный телефон... И даже то, как редко и невнятно Бестужев улыбается...

Странная всё-таки девушка эта Аллочка. Неужели она думает, будто я слабее её? Если уж рядом с Бестужевым смогла пять лет продержаться эта пергидрольщица, то я тем более смогу.

Правда, он с ней спал. Может, поэтому и продержалась?

Об этом определённо стоило подумать.

20

Олег

С кухни Нина вернулась какая-то слишком задумчивая и притихшая. Объяснение этому могло быть одно — Алла что-то ляпнула. Что она могла выдать? Подробности секса? Ну, вряд ли Нину смутило бы описание того, что происходило между ним и Аллой, Нина — женщина взрослая, с ребёнком. Да и не было там ничего особенного, всё как у всех.

А вот если Алла использовала в качестве козыря факт того, что у Бестужева был не совсем обычный диагноз... Да, она вполне могла — это в её стиле. Как его матери не проговорила, удивительно. Видимо, Алла понимала, что после этого ей точно не светит быть рядом с Олегом, вот и молчала. Но вряд ли это надолго, он не обольщался. Такие девушки, как Алла, склонны мстить окружающим за свои выдуманные обиды.

Говорить с Ниной об особенностях собственной психики не хотелось. Не потому что Олег стеснялся — он вообще не знал, что такое стеснение, — а потому что опасался реакции Нины на этот разговор. Вдруг захочет уволиться? Не хотелось бы вновь искать себе помощницу. Нина его полностью устраивала.

Так что пока она молчит и не лезет с обсуждениями — он тоже будет молчать.

Но подсластить пилюлю всё-таки стоило.

— Будешь хорошо работать — перед Новым годом выдам премию, — тихо и весомо проговорил Олег, глядя на Нину. Услышав эту фразу, девушка выпрямилась в компьютерном кресле, будто ей палку в спину вставили, и кинула на Бестужева настороженный взгляд.

— А что подразумевается под хорошо работать?

— То же, что и раньше. Ты уже это всё делала.

— Хм... — Нина прищурилась. — Точно?

— Абсолютно.

Она немного помолчала, постучала по клавиатуре, а потом поинтересовалась, сделав глоток из чашки с кофе:

— А как со всем этим справлялась Алла? Она не произвела на меня впечатление... хм... умной девушки.

— Она справлялась средне. Но у неё были и другие обязанности. Те, от которых ты пока наотрез отказываешься, — честно признался Бестужев и слегка ухмыльнулся, заметив, как Нина гневно порозовела.

— И вы в этом вот так честно признаётесь?!

— А я должен врать? — Олег поднял брови. — Или стыдиться этого? Нет уж, уволь. Люди и так напридумывали для себя множество условностей, причём зачастую бессмысленных. Не хватает ещё испытывать угрызения совести за взаимовыгодное удовольствие.

— Какие условности вы имеете в виду? — немедленно спросила Нина, и с её лица схлынули краски. Ага, значит, сам диагноз Алла ей не озвучила. Только какие-то намёки дала.

— Да какие угодно. Допустим, что нельзя ходить голым по улице. Кому это мешает? Не более чем условность, правило этикета, принятое в нашем обществе. А взять какое-нибудь африканское племя, где все ходят голыми, — плевать там хотели на такие правила, и всем нормально живётся. Или супружеская верность. Это тоже условность. Люди создают семью, чтобы вместе жить, вести быт и воспитывать детей. При чём тут секс? Не считается ведь зазорным есть не только дома, но и в ресторане? Я не вижу особой разницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.